

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА НАГРАДЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПО СОЦИОЛОГИИ ВЛАСТИ

Александр Николаевич Малинкин (lo_zio@bk.ru)

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Малинкин А.Н. (2020) Социальная природа награды: исследование по социологии власти. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(3): 188–219. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.8>

Аннотация. В центре внимания автора — сущность награды (прежде всего государственной). Награда понимается как социальное отношение. Проводится различие между феноменально данным знаком награды и наградой как позитивной (поощрительной) санкцией власти. Награда рассматривается как многомерный символ. Она символизирует подвиги, заслуги, услуги, за которые ею награждают; социальные успехи личности награжденного и достигнутый им социальный статус; власть и господство социального субъекта — учредителя награды. Соответственно у награды три основные формы символической значимости: социально-этическая, индивидуально-личностная, властно-политическая. Ядровой элемент сущности награды — это властно-политическое социально-иерархическое отношение, вектор которого первично всегда направлен сверху вниз. Идеально-типическая структура наградных отношений троична: награда — это особая форма устойчивого социального взаимодействия между тремя социальными субъектами: (1) учредителем награды и награждающим, (2) принимающим условия достижения награды и заслуживающим ее, (3) социумом как наблюдателем взаимоотношений между двумя первыми субъектами и потенциальным участником в борьбе за награду. Наградные системы государств представляют собой символические средства коммуникации власти и народа с обоюдной контингентной селективностью, выстраиваемые над естественным разговорным языком. Консенсус социума в отношении ценностной значимости награды является необходимым условием для признания общезначимыми заключенных в награде духовно-нравственных ценностей, составляющих фундамент политической идеологии, господствующей в обществе. Эти ценности обуславливают выбор и характер социально-этических добродетелей, а они, в свою очередь, определяют селективные критерии, на основании которых представители правящей власти распознают значимые для государства и общества действия и отделяют их от ординарных. Объясняется также, почему сущность награды невозможно понять в свете доктрины символического обмена. Легитимность властного господства является необходимым условием наградных отношений, поскольку создает нравственно-волевой консенсус между тремя их субъектами. Социальный институт наградного дела действует эффективно только благодаря легитимности господства власти, принцип добровольности в отношении к условиям достижения наград при этом не нарушается.

Ключевые слова: награда, наградные отношения, социальный институт наградного дела, символ, значимость, ценности, социально-иерархическое властно-политическое отношение, легитимность властного господства.

Что такое «социология наградного дела»?

Социология наградного дела — направление социально-философского и междисциплинарного социально-научного поиска, предметами которого является награда как социальный феномен и наградное дело как социальный институт (Малинкин 2013). Предтечами этого направления поиска являются в первую очередь Иеремия Бентам и Питирим Сорокин. И. Бентама проблема вознаграждения (reward) интересовала как часть более общей социально-философской проблемы справедливого воздаяния за реально содеянное человеком в миру, которую он рассматривал с позиций своей утилитаристской философии морали, политики и права (Bentham 1825). Молодой Сорокин, ученик М.М. Ковалевского, впервые вводит исследование наградных отношений в контекст позитивно-научной «социологии», хотя во многом еще следует за И. Бентамом (Сорокин 1999)*. В частности, он сохраняет его социально-философский взгляд на преступление и кару, на подвиг и вознаграждение (награду) как нечто неразрывное целое, которое лишь в качестве такового может и должно быть объектом воспитательного, или, в терминологии Сорокина, «дрессирующего», государственно-политического воздействия. Последнее направлено на культивирование в людях альтруизма в том смысле, как его понимал О. Конт. С позиций позитивизма Сорокин создает бихевиористски ориентированное учение об «основных формах общественного поведения и морали», справедливо заявляя, что социальная наука о морали сама не должна быть моралью. Критический анализ его взглядов будет дан ниже**.

Действительно, «кнут и пряник», кара и награда испокон веков используются людьми для установления и поддержания порядка в целях воспитания и управления. Но неразрывность их единства, казалось бы, несомненная в свете интеллектуалистской фикции эпохи Просвещения о «естественном» рационально мыслящем атоме (индивидууме), подлежа-

---

* Эта первая книга П. Сорокина, тогда еще студента Санкт-Петербургского университета, вышла в свет в 1913 г.

** Более подробно см.: (Малинкин: 2013: 12–21). Бесспорным вкладом П. Сорокина в социологию наградного дела является, на наш взгляд, четкая формулировка трех отличительных особенностей «услужного акта». Схватив на лету (пусть и поверхностно) модную в довоенной Германии феноменологию, П. Сорокин находит их в «характере психического переживания»: «услужной акт», ведущий к награде, 1) не может противоречить субъективному представлению о должном; 2) может быть только добровольным; 3) должен быть «избыточно добродетельным», или «сверхнормальным», т. е. экстраординарным, нерутинным (Сорокин 1999: 119).

щем воспитанию и управлению, вызывает сомнения, если принять во внимание хотя бы религиозно-философское видение человека Ф.М. Достоевским в «Преступлении и наказании», которое поразило глубиной проникновения в тайны человеческой души не только соотечественников великого писателя, но и мыслящих людей всего мира.

Более реалистическое (и менее оптимистическое), чем у О. Конта, понимание человека, личности, общества было выдвинуто в эмансипационных «философиях подозрения» К. Маркса, З. Фрейда, Ф. Ницше. Несмотря на то что они сохранили, каждая по-своему, в той или иной мере гуманистический импульс эпохи Просвещения, он трансформировался в их контексте в философско-антропологическую идею преобразования человека либо его перерождения (Ницше) на секулярных, антихристианских началах. В их свете человек обнаруживает себя несвободным, отчужденным от своей сущности, во власти скрытых от него неподконтрольных его сознанию стихийных реальных сил — «естественно-исторических», общественных («товарный фетишизм», «эксплуатация», «классовое сознание») либо естественно-витальных и глубинно-психологических индивидуальных, но выходящих в социальное измерение (libido, сублимация — у З. Фрейда, *ressentiment*, воля к власти — у Ф. Ницше). Человек стремится освободить себя и свое сознание от гнета скрытых реальных стихий посредством познания (в марксизме оно необходимо связано с революционной общественной практикой), чтобы перестать быть их марионеткой и всесторонне реализовать себя как личность в обществе, перестроенном на новых началах.

Родившиеся в XX в. из этих доктрин и под мощным влиянием неокантианской методологии направления философско-социологического поиска, в частности такие, как «понимающая» социология М. Вебера, философия символических форм Э. Кассирера, феноменология Э. Гуссерля, феноменологическая социологии знания М. Шелера, социология познания К. Мангейма, экзистенциальная философия М. Хайдеггера, философии Ж.-П. Сартра, Л.П. Альтюссера, структурализм М. Фуко, социология социальных систем Н. Лумана и многие другие, более или менее успешно преодолевают противоположности спиритуализма и сенсуализма, рационализма и эмпиризма, социального атомизма и холизма. Между тем популярный среди социологов позитивизм — и как сциентистское мировоззрение, и как строго научная методология, которая элиминирует человеческую духовность (источник метафизики) — втащил их за собой в XXI в.

Классики позитивизма, а по большей части и их продолжатели в XX в. оказались неисправимыми путаниками в решении старой дилеммы «реа-

лизм — номинализм» применительно к обществу как раз потому, что за противостоянием Человека и Природы (включавшей в себя воспринимаемое как «естество» общество, которое поэтому и изучаться должно было так же, как природа) не разглядели подлинно социальный, т. е. культурно-исторический и социокультурный, характер природы самого человека. Правда, в середине XIX в. некоторым социальным мыслителям (особенно К. Марксу) было интуитивно ясно, что включение в философское размышление человеческого социума, социальности человека все радикально меняет, даже сам способ философствования, методологию познания. Это включение ломает диаду «Природа — человеческое Мышление (в его эгологическом понимании, будь то картезианском или кантианском)» и превращает в триаду. Ее системообразующим центром и принципом опосредования двух указанных выше звеньев становится культурно-исторический Социум как единство многообразия индивидуальных и коллективных личностей, духовно солидарных друг с другом в Боге как личности всех личностей (Шелер 2011; 2020а; 2020b). Методология познания, исходящая из социальности человека и социума как системообразующего центра (социологизм) превращает старый схоластический спор о номинализме и реализме в ложную дилемму, ибо радикально меняет смысл устаревших схоластических понятий и их взаимных противопоставлений (Малинкин 2019).

Отправной точкой в нашем теоретическом исследовании послужили самоочевидные факты реальной действительности. Это прежде всего относительная независимость существования и относительная автономность развития двух сфер общественной жизни и соответствующих им социальных институтов. Речь идет, с одной стороны, о факте неискоренимости во все времена и у всех народов отклоняющегося или преступного поведения людей и связанного с ним функционирования пенитенциарных систем; с другой стороны, о факте неустраняемости во все времена и у всех народов подвизнического, героического поведения людей и связанного с ним функционирования наградных (поощрительных) систем. Мы полагаем, что факты реальной действительности позволяют рассматривать каждую из этих сфер социальной жизни и соответствующие им социальные институты независимо друг от друга, не игнорируя вместе с тем не только закономерности их внутреннего функционирования и развития, но и их обоюдного влияния, тогда как представление об их неразрывном сущностном единстве по типу «сообщающихся сосудов», из которого исходили И. Бентам и П. Сорокин, напротив, основано на некоем идеализированном утопическом видении как человека, так и устройства общества.

Мы исходили также из самоочевидного для нас факта реального существования наград и целых наградных систем, государственных и негосударственных, в частности гражданско-общественных, религиозных, спортивных, корпоративных, международных и прочих*, — факта, абсолютно неоспоримого с научно-исторической и культурологической точек зрения. Наградное дело является социальным фактом, который не нуждается в доказательствах своего объективного существования. Оно общепризнано в качестве сложившихся социальных практик в рамках обычного права и в качестве составной части правовых систем всех государств мира. Феномен награды воспринимается сегодня как неотъемлемый элемент социокультурной реальности.

Но всегда ли награда была неотъемлемым элементом социокультурной реальности? Этот вопрос, отсылающий к истории институционализации наградного дела, к социальной сущности награды, к культурно-исторической и политически-идеологической символике знаков наград, возникает у социолога так же естественно, как и стремление исследовать наградное дело системно. Отсюда первый методологический вывод — вывод о том, что награда и наградное дело могут и должны быть рассмотрены в историческом и систематическом планах, причем в свете различных видов человеческого познания, прежде всего социальной и политической философии, а также с точки зрения всех гуманитарных и социальных научных дисциплин, в частности таких, как история, политология, историческая социология, социология политики, социология права, социология морали, социология культуры, культурология, социальная антропология, семиотика и др.

Награда, ее знаки и формы символической значимости

Первый шаг в философско-социологическом осмыслении того, что такое награда, приводит к обнаружению теоретически значимого различия, неуловимого для повседневного обыденного сознания, — различия между наградой в ее сущности и материально-вещественными знаками (знаковыми образами**) награды, которые явлены в виде предметов,

---

* В центре нашего внимания будут государственные наградные системы.

** Образ знака (знаковый образ) даже одной и той же награды видоизменяется в процессе истории под влиянием множества факторов. Среди них следует отметить в первую очередь изменения в политической организации общества, господствующей политической идеологии, которые приводят к изменениям символики на эмблемах наградных знаков, в их форме и пр., а также появление новых техник и технологий изготовления знаков, новых конструктивных и дизайнерских решений, новых материалов, внесение исправлений в конструкции знаков в результате

доступных для наблюдения посредством органов чувств. Необходимо констатировать: награда в ее сущности не тождественна своим феноменально данным знаковым образам и не сводима к ним. Что в обыденном сознании слито в простом индифферентном единстве и выражается словом естественного разговорного языка «награда», то для социально-философского мышления есть внутренне дифференцированное целое, аналитически разделяемое на явление (наградные знаки в их образной вещной форме) и сущность (начало, порождающее знаковые образы наград, подобно принципу или функции ряда). В многообразии явленных нам знаков наград, представленных во множестве государственных и общественных наградных систем различных стран мира, со всей очевидностью усматривается их сущностное единство: награда — это социальное отношение, а именно — позитивная (поощрительная) санкция власти. Если речь идет о государственной награде, то награда — это особый (поощрительный) акт государственной власти.

Этот властный акт государства опредмечивается в ряде отдельных символических акций, образующих в совокупности системное целое. Он документируется и архивируется, передается гласности, публично демонстрируется в церемониях, наградных знаках, в ритуалах их повседневного ношения и, в конце концов, даже в процедурах лишения наград. Говоря более конкретно, он манифестируется в указах о награждении, торжественных церемониях награждения, транслируемых СМИ, удостоверениях к государственным наградам и прочих наградных документах, наконец, в знаках наград. Под последними имеются в виду ленты, планки, фалерони́мы. Фалерони́мы — это медали, орденские знаки, знаки почетных званий, премий и другое, в том числе фразные копии, копии для повседневного ношения, дубликатные копии и т. п.

Фалерони́мы являются реальным объектом социально-научного исследования по образцу естествознания, т. е. входят в предметную область, в которой позитивно-научная методологическая установка не только уместна, но и необходима. Их изучает «фалеристика» — одна из прикладных вспомогательных исторических дисциплин, к числу которых относятся, например, вексиллология, сфрагистика, нумизматика, бонистика и др. Так, в предпринятом автором исследовании «Символика орденов СССР» были рассмотрены, классифицированы, типологизированы а) форма и элементы формы орденских знаков, б) изобразительные смысловые элементы их эмблем, в) надписи на эмблемах орденских знаков, г) материалы, применявшиеся для их изготовления, д) цвета лент орденов СССР.

учета опыта их ношения и бытования (например, изменение способов крепления наградных знаков к одежде).

Второй шаг в философско-социологическом осмыслении того, что такое награда, необходимо связан с первым и вытекает из него. С одной стороны, награда, рассмотренная в ее целостности как единство сущности и явления, — это не функционально полезная вещь, служащая благодаря своим качествам удовлетворению житейских потребностей людей. С другой стороны, она и не чисто идеальная конструкция, доступная только абстрактному мышлению. Можно было бы принять обыденное словоупотребление и сказать, что награда — это знак, материально-вещественная форма которого служит исключительно для презентации некоего идеального смысла, если бы награда, подобно математическому или дорожному знаку, имела только одно строго определенное значение.

Но, во-первых, у награды много значений; во-вторых, это не закрытое множество значений, а принципиально открытое; в-третьих, значения награды не так строго определены и формально четко зафиксированы, как значение у знака, между ними нет непроходимой границы, они «переливчатые». Здесь мы находим все признаки такого социокультурного феномена, как символ. Награда — это многомерный социальный символ, явленный в материально-вещественных знаковых образах. Если применительно к знаку мы говорим о его значении, то у символа мы находим смыслы. Награда как символ несет в себе множество социальных смыслов. Они *implicite* содержатся в наградных знаках, доступных нашим органам чувств, и потенциально эксплицируемы.

Заключенные в знаках наград социальные смыслы можно выявить, понять и истолковать наилучшим образом, если соединить метод понимающей социологии М. Вебера с методом, разработанным Э. Кассирером в философии символических форм (Кассирер 2015). Здесь следует сделать небольшое отступление, чтобы разъяснить нашу исследовательскую методологию.

Мы полагаем, что «понимающая социология символических форм» возможна как синтетическая методология благодаря однородности и, как следствие, совместимости двух методов, восходящих к принципам неокантианства, соответственно баденской и марбургской школ. С одной стороны, Вебер, постулируя рациональную познаваемость смысла социальных действий людей, дал ключ к пониманию и истолкованию их объективной социальной значимости. С другой стороны, *выражение, представление и обозначение* в феноменологии познания Кассирера* — это не сменяющие друг друга стадии эволюции сознания и культуры (как у Конта), но перманентно сохраняющиеся незаменимые разноуровневые способы реали-

---

* Так называется третий том его «Философии символических форм».

зации «символической функции сознания», которые внутри каждой отдельной формы культуры проявляются не только по-разному, но и в разной мере. Эта концепция социокультурных феноменов как многоуровневых символов, близкая к структуралистской, или «неоэволюционистской» (в терминологии *cultural anthropology*), дает ключ к более глубокому пониманию их смысла, поскольку вовлекает в интерпретацию их культурно-исторические пласты. Каждый врученный наградной знак — символ материальной, политической и духовной культуры определенного государства с его самобытной историей, и в то же время символ определенных социально значимых действий, совершенных группами лиц и отдельными личностями.

Может показаться странным, что сторонник взглядов М. Шелера, каковым является автор этих строк, считает для себя возможным обращаться к неокантианской методологии. Но странного тут ничего нет. Во-первых, идея понимания человеком другого человека, окружающих его людей (равно как всего, что от них исходит в живой деятельной форме), выдвинутая Вебером в сциентистской, философско-нигилистической парадигме, была существенно переосмыслена и углублена Шелером в его философской социологии, а именно в третьем разделе работы «Сущность и формы симпатии» «О чужом Я. Опыт эйдологии, теории познания и метафизики опытного познания и реального полагания чужого Я и живых существ», впервые опубликованном в 1923 г. (Шелер 2020b: 195–251). В своей синтетической методологии мы опираемся на шелеровскую феноменологически фундированную трактовку «понимающей социологии»*.

Во-вторых, пути феноменологии познания Кассирера, который в начале 1920-х годов вышел за границы естественно-научной ориентации неокантианства (а тем самым за рамки строго научного рационализма), и феноменологической социологии знания Шелера сошлись на проблеме «понимания феномена выражения» как первичного, базисного уровня символической формы культуры**.

---

* См.: (Шелер 2011: 223–232), а также критику Шелером сциентизма М. Вебера в статье «Учение о мировоззрении, социология и полагание мировоззрения» (1922) (Шелер 2020b: 177–194).

** В предисловии к первому изданию «Проблем социологии знания», написанному в ноябре 1925 г., Шелер констатировал, что «...до сих пор лишь философия, происходящая из *позитивистского* круга идей (начиная с Кондорсе, О. Конта, Г. Спенсера и кончая Э. Махом, Э. Дюркгеймом, Л. Леви-Брюлем) предложила — и в этом ее огромное преимущество — поистине всеохватывающее учение о развитии человеческого знания. Немецкая философия, особенно поскольку она была ориентирована на Канта, оказалась на этой ниве, в общем и целом неплодотвор-

сирера в США привела его, как и Шелера, к философской антропологии (человек = animal symbolicum)*. Что же касается онтологизма позднего Шелера (в отличие от гносеологизма Кассирера), его неприятия и критики всего «чисто символического», то они благополучно совмещались с признанием им относительной автономности культурно-социологического подхода (согласно Шелеру, социология знания — часть социологии культуры), основанной на относительной автономности сферы духовно-культурного бытия. В ней (и только в ее рамках) неокантианские принципы сохраняют свою силу. Одним из них является принцип «быть = значить». В свете понимающей социологии символических форм сущность награды заключается не столько в том, чтобы *быть* (соответственно, быть материальной ценностью и иметь рыночную стоимость), сколько в том, чтобы *значить*. Современные специализированные наградные знаки (кресты, звезды, ордена, медали) — агрегаты, стустки овеществленных функций символизации.

С.С. Аверинцев, опираясь, в частности, на концепцию символа Кассирера, так формулирует принципиальную открытость множества символически значимых смыслов: «Смысловая структура символа многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего. <...> Причем эти смыслы не только в равной мере присутствуют во внутренней структуре произведения, но и переливаются один в другой... Смысл символа объективно осуществляет себя не как наличность, но как динамическая тенденция: он не дан, а задан. Этот смысл, строго говоря, нельзя *разъяснить*, сводя к однозначной логической формуле, а можно лишь *пояснить*, соотнося его с дальнейшими символическими сплетениями, которые подведут к большей рациональной ясности, но не достигнут чистых понятий» (Аверинцев 2001: 156). Чего же символизирует награда посредством своих знаковых образов?

ной». В примечании к этим словам он сделал оговорку: «Только Эрнст Кассирер с недавних пор (1921) в своем выдающемся труде “Философия символических форм”... пытается предпринять нечто подобное. К сожалению, о втором томе его труда, особенно важном в плане рассматриваемых мною проблем, я узнал слишком поздно для того, чтобы уже здесь суметь им как-то воспользоваться. Но между тем сведущий читатель заметит, насколько во многих и существенных пунктах результаты Кассирера совпадают с моими (несмотря на принципиально разные предметно-философские предпосылки)» (Шелер 2011: 244–245). См. позитивную оценку Кассирером вклада Шелера в разработку проблемы понимания и данности «чужого Я»: (Кассирер 2015, Т. 3: 76–79).

* Есть основания предполагать, что идеи позднего Кассирера оказали влияние на взгляды Л. Уайта.

Награда и ее знаковые образы символизируют одновременно *социально-институциональные отношения* между людьми, которые опосредствованы их способностью рационального мышления; *социально-коммуникативные взаимодействия* между людьми, которые опосредствованы их способностью восприятия, представления, воображения; *социально-чувственные (эмоциональные) взаимосвязи* между людьми, которые опосредствованы их способностью верить, любить, надеяться. Награда выполняет также три основные социально-символические функции. Она символизирует *социально-значимые действия* (подвиги, заслуги, услуги), за совершение которых ею награждают; *достойные почёта социальные успехи личности* награжденного и достигнутый им *социальный статус*; *власть и господство* социального субъекта-учредителя награды. Соответственно награда имеет три основные формы символической значимости: *социально-этическую, индивидуально-личностную, властно-политическую*.

Награда как инструмент властно-политического влияния

В свете политической философии, награда — эпифеномен власти, инструмент властно-политического влияния. Она рождается из господства всякого рода власти и умирает вне властно-политических отношений.

Социальная позиция награждающего всегда означает реальное превосходство и возникающее из него покровительство: более высокий возрастной ценз или место в семейной, клановой, родоплеменной иерархии; более высокий авторитет (мифического, религиозного или чисто морального свойства) или более высокий статус в социальной иерархии; большую физическую либо военную силу или большие властно-политические полномочия; более высокий уровень материального благосостояния или более широкие экономические возможности и т. п. В любом случае награждающий доминирует над награждаемым. Последний занимает позицию подчиненного, подданного, повинующегося, признающего власть, готового ей верно служить или, во всяком случае, лояльно мирящегося с ней, терпящего ее. Таким образом, ядровой элемент сущности награды — это властно-политическое социально-иерархическое отношение, вектор которого первично всегда направлен сверху вниз.

Рассмотренная с точки зрения социальной семиотики, награда предстает как элемент особого символического языка, на котором власть обращается к народу. В таком понимании у нее можно выделить три основные функции. Наградные системы, подобно семиотическим, выполняют *социально-интегрирующую функцию* (консолидируют, сплачивают социум путем вовлечения в происходящие в нем процессы наиболее одаренных

в нравственном отношении личностей, которые, совершив подвиг, становятся образцами для подражания); *социально-дифференцирующую функцию* (социально дистанцируют (возвышают, превозносят) обладателя награды от всех, кто таковой не заслужил, фиксируя достигнутый им общественный статус и место в социальной иерархии); *социально-коммуникативную функцию* — функцию опознавательного знака и средства пропаганды.

Тройственная структура наградных отношений

Идеально-типическая структура наградных отношений троична. Награда — это особая форма устойчивого социального взаимодействия между тремя социальными субъектами в социуме, когда один из них выступает в роли учредителя награды и награждающего, другой — в роли принимающего условия награждения и заслуживающего награду, третий — в роли наблюдателя взаимоотношений между двумя первыми субъектами и потенциального участника в конкурентной борьбе (состязании, соревновании) за награду.

Слово «роль» употребляется здесь как фигуральное выражение, или языковой узус. Оно не должно вводить в заблуждение: в данном случае речь идет не о теории социальных ролей и уж тем более не о ролевых играх. Подразумеваются не социально-психологические процессы межличностного взаимодействия внутри социальной группы или между представителями различных социальных групп. Речь идет о возникающих в силу необходимости выживания и безопасности социума неигровых формах социального взаимодействия между властью, элитами и народом. Они самовоспроизводятся в любом социуме как устойчивые инвариантные социальные структуры и служат основой для возникновения, развития и институционализации всякого рода игровых форм социальных взаимодействий.

Принципиально важным является момент постоянства, устойчивости наградных социальных взаимодействий. Для того чтобы сформировались специфические признаки наградных отношений, необходимо, чтобы субъект, учреждающий награду и награждающей, занимался этим не время от времени, там и сям, абы как и от случая к случаю, а непрерывно, повсеместно, целенаправленно и системно. Другими словами, наградное дело как особый вид властно-политической практики впервые начинает институционализироваться там и тогда, где и когда спонтанные порывы жаловать наградами «от щедрот душевных» не только своих любимцев, но и всех, кто совершил благие деяния, трансформируются в разумно культивируемую и планомерно организованную социально-политическую

деятельность. Горячие побуждения, личные пристрастия и прихоти заменяются на холодный расчет и рациональную практику под беспристрастным девизом «ничего личного»: заслужил награду — получи, кто бы ты ни был. В последнем случае награды может быть удостоен даже враг*, а друг, не имеющий заслуг, награды не получит.

Момент постоянства, устойчивости наградных отношений феноменологически первично связан с определенными социальными чувствами людей и основанными на них социальными отношениями. Это прежде всего любовь, благосклонность, благодарность, благочестие, преданность, верность, лояльность, а также преклонение, подчинение, повиновение, покорность. Исторически первично постоянство, устойчивость наградных социальных взаимодействий зависит от личностных качеств и характеров власть имущих как учредителей наград (вождей, князей, царей, королей и т. п.), таких как благоразумие, справедливость, твердость, уравновешенность, последовательность. Однако в полной мере постоянство, устойчивость наградных социальных взаимодействий могут быть обеспечены только обезличенным рациональным наградным правом и его систематическим (не избирательным) практическим применением.

Подлинные наградные отношения, как правильно отмечали И. Бентам, П. Сорокин и другие, предполагают служение**. Они рассчитаны на все будущее (а иногда и прошедшее) социально-историческое время социума с момента учреждения награды до конца учредившей ее власти и охватывают все социально-политическое пространство в границах суверенной власти учредителя награды. Это означает, что они принципиально неоднократны: чем шире и чаще они будут воспроизводиться в социуме, тем лучше. Для субъекта — учредителя награды социальный смысл наградных отношений как раз в том и заключается, чтобы прославлять могущество своей власти, укреплять легитимность ее господства путем поощрения поступков, которые в наибольшей мере соответствуют идеологически обоснованным социально-этическим добродетелям, а также пропагандировать эти поступки как проявления подвижничества и героизма.

---

* Дипломатические награждения врагов встречаются в истории всех стран. Известны также и не дипломатические награждения врага. Так, командир крейсера «Варяг» капитан 1-го ранга В.Ф. Руднев был награжден орденом Восходящего солнца императором Японии в знак признания героизма русских моряков. Награду Руднев принял, хотя никогда ее не носил.

** Это в принципе исключает отождествление награды и дара (подарка).

Нравственно-волевой консенсус

Рассмотрим пока только отношения между двумя сторонами трехстороннего наградного отношения. С политико-философской точки зрения награждающего и заслуживающего награду объединяет устойчивый нравственно-волевой консенсус. Он создает социально-психологическую ситуацию, когда первый ожидает от второго (на месте которого может быть любой), чтобы за гласно объявленное им поощрение тот оказал ему экстраординарную услугу, а второй, признав поощрение для себя привлекательным («интересным») и значимым, добровольно готов оказать экстраординарную услугу, поскольку это не противоречит его представлениям о должном, и, в свою очередь, ожидает от первого обещанного вознаграждения (награды).

Устойчивость нравственно-волевого консенсуса формируется за счет того, что ожидание первого основывается на предположении лояльности (в конечном счете верности, преданности) к нему второго, а ожидание второго — на предположении неотвратимой обязательности (в конечном счете благодарности, справедливого воздаяния) по отношению к нему первого. Этот факт, фиксируемый феноменологически, позволил нам определить награду на социально-чувственном уровне ее функционирования в обществе как «благодарность за верность» (Малинкин 2013: 177, 243). Социальная связанность взаимными ожиданиями двух субъектов наградного отношения усиливается по мере того, насколько эти отношения трансформировались в процессе социально-исторической эволюции в разумно культивируемую и планомерно организованную социально-политическую деятельность, приобрели обезличенный правовой институциональный характер.

Описанные выше бинарные социальные отношения П. Сорокин именует «службыми», или «рекомендательными» (Сорокин 1999). Награждаемым субъектом может быть в принципе любой член социума или человек из народа, лояльный власти (если нормативные условия доступа к той или иной награде не предусматривают каких-либо социальных, политических и иных ограничений). Но, конечно, только «в принципе». В предшествующие исторические времена доступ к наградам ограничивался сословным устройством общества, так что награды могли получать только высшие сословия (дворянство). Например, в Российской империи гражданам крестьянского и мещанского сословий вообще не дозволялось «испрашивать» государственных наград высшей и средней категории, им были доступны только награды низшего ранга (как, например, в случае с купечеством). Не абстрактная, но реальная возможность быть награж-

денным всегда была привилегией лиц и групп, приближенных к власти, т.е. элит общества.

Устойчивый нравственно-волевой консенсус, связывающий в единство награждающего и награждаемого, можно характеризовать так: «Управляемые этими средствами (имеются в виду сверхъязыковые символические средства властной коммуникации. — А.М.) коммуникативные процессы связывают партнеров, каждый из которых реализует свои собственные селективные достижения и знает о том, что то же самое делает и другой» (Луман 2001: 16–17).

Принципиальная ошибка П. Сорокина

В отличие от П. Сорокина, мы полагаем, что для наградного социального взаимодействия необходим третий субъект. Только благодаря его участию наградные отношения приобретают реальную трехмерную социально-символическую форму. Трехмерная идеально-типическая схема наградного отношения по-своему отображает классическую пирамиду власти. Молодой П. Сорокин не усмотрел в награде трехмерный символический феномен, поэтому остался в рамках ограниченной философским сенсуализмом и эмпиризмом утилитаристской «моральной арифметики» И. Бентама (Bentham 1825), которого К. Маркс не без оснований считал «гением буржуазной тупости». Мы полагаем, что Сорокин рассматривал награду в рамках плоской бихевиористской схемы «стимул — реакция» именно потому, что исходил из бинарности «услужных отношений».

Неудивительно, что ставший благодаря своему учителю масоном П. Сорокин уповал на нравственное совершенствование человека по мере его «дрессировки» в процессе цивилизации посредством кнута и пряника, а именно рассматривал пенитенциарную и наградные системы и их правоприменительные практики как единое неразрывное целое, в котором две указанные части, словно сообщающиеся сосуды, взаимообусловлены и взаимодополнительны, но главное — скрыто телеологичны в своем воздействии на человечество: всегда и везде их высшей целью является воспитание людей исключительно в истине, добре и прекрасном. Но человек и социум устроены, мягко говоря, сложнее. Мировоззренческая позиция молодого П. Сорокина, ориентированная на квазирелигиозный (эрцхристианский) альтруистический идеал О. Конта, привела его, по нашему мнению, к принципиально ошибочному выводу о перспективах развития общества и человека. Он искренне верил, что в результате все более успешной из века в век научной обоснованной «дрессировки» людей кнутом и пряником в конце концов вместе с государством как институтом моно-

польного насилия отомрут также все награды и кары (Сорокин 1999: 351–357).

Действительно, третий субъект наградных отношений не всегда очевиден, его присутствие часто латентно или дистанцировано. Но он всегда и везде присутствует в сознании (или подсознании) людей как субъектов социального действия в образе необходимой части горизонта их жизненного мира. Иначе говоря, он всегда необходимо существует как интерсубъективная реальность. Наградные отношения бинарны по видимости, на уровне явления, но в сущности они сверхбинарны, а именно троичны. Но можно сказать иначе, и это также будет верно: наградные отношения бинарны до тех пор, пока наблюдающий их со стороны социальный субъект не осознает самого себя наряду с двумя другими субъектами наградных отношений составной частью единого социального процесса. Как только он осознает себя таковым, появляются предпосылки для более высокой (абстрактной) социальной позиции наблюдения и для адекватной ей новой интеллектуальной перспективы, в рамках которой существование и воспроизводство наградных отношений признается необходимо зависимым от потенциально неограниченного количества подобных наблюдателей. Н. Луман называет трансформацию социальной системы, возникающую в результате рефлексии социальных наблюдателей о самих себе как наблюдателях в рамках определенной социальной системы, «самореференцией» (Луман 2005: 21–27) этой социальной системы благодаря присущему ей аутопоэзису.

Третий субъект наградных отношений — это сам социум и прежде всего та его часть, которой потенциально адресована данная конкретная награда согласно официальным условиям ее достижения. В современных обществах это могут быть военнослужащие либо гражданские люди, это может быть и общество в целом, т. е. все остальные (помимо упомянутых выше двух субъектов наградных отношений) члены социума, наблюдающие учреждение награды, процесс стремления к ней других, ее достижения другими и их заслуженное (или незаслуженное) награждение. Третий здесь — не только объект социально-коммуникативного воздействия власти посредством такого мощного символа, как награда, но и самый настоящий субъект. Его активность может быть не очень заметна на поверхности, но именно его глубинные движения решают судьбы правителей и государств вместе со всеми их наградами. Речь идет, во-первых, об элитах (особо важны для власти оппозиционные части элит, которые не идут с ней на контакт и не вполне ей лояльны); во-вторых, о широких массах «простого» народа.

Значение и функции третьего субъекта наградного отношения

В чем состоит значение третьего субъекта и каковы его функции в наградных отношениях? Он необходим как «очевидец», «свидетель» факта учреждения наград, объявления условий их достижения, а главное — самого процесса достижения наград, т. е. совершения социально-значимых действий. Он необходим как «понятой», который следит за выполнением законно установленных процедур награждения и удостоверяет правильность их соблюдения. Он необходим как «третьейский судья», «арбитр», который оценивает реально сложившуюся ситуацию и критически судит о социальных смыслах и мере адекватности награждений, стало быть, косвенно и о легитимности правящей власти. Но главное, он необходим как потенциальный «другой» активный участник борьбы за награды. Для его «вербовки» они и учреждались.

В последнем случае срабатывают известные благодаря Г. Тарду и психологической школе в социологии механизмы заражения и подражания, здесь включаются также социально-психологические комплексы зависти, ревностного и соревновательного отношения к делу, основанные на социальном сравнении («Этот X заслужил награду, а почему я, Y, не могу ее заслужить?») (Шёк 2010). Объявляя награду, ее учредитель обращается ко всем, апеллируя к социуму в целом, стимулируя соревнование, конкуренцию. Кто сегодня безмолвный свидетель награждения, тот завтра сам может добиться награды. Специфика наградных социальных взаимодействий, в отличие, скажем, от половых взаимоотношений, интимных межличностных, конфиденциальных приватных или служебных, социально-эзотерических, заговорщических или тайно-общественных* и т.п., состоит в их *принципиальной гласности, публичности*.

Именно здесь берет своё начало в качестве «свидетельств» подлинности реальных социальных взаимодействий *документальные удостоверения к наградам*. Наградные отношения предполагают публичное доказательство самого факта совершения действий, претендующих на социальную значимость, а впоследствии — подтверждение факта законности награждения. Но подтвердить факт совершения действий, претендующих на социальную значимость, могут только те, кто входит в непосредственное социальное окружение субъекта социального дей-

---

* Награды учреждаются также в тайных и эзотерических обществах (например, в масонских ложах), но внутри них они обязательно должны быть гласными. В противном случае конститутивный символический смысл награды теряется, и она превращается в должностной знак, знак инициации, знак принадлежности к организации, корпорации и т.п.

ствия, кто имеет реальную возможность и способность констатировать факт совершения этих действий. Отсутствие социального окружения, в которое входят потенциальные наблюдатели социально-значимых действий («третий субъект»), делает наградные отношения невозможными или несостоятельными*. Это одна из причин того, почему не все герои получают награды, а если и получают, то не всегда те, которых поистине достойны.

Таким образом, гласность наградных отношений необходимо связана с их соревновательным характером и конкурентным способом достижения. Награды всегда и везде предполагают принципиальную заменимость награждаемых, даже если круг реальных претендентов на них ограничен в силу нормативных условий доступа к ним. Субъекту — учредителю награды по большому счету все равно, кто ее добьется, для него важно другое: чтобы ее добивались, принимая правила игры (условия достижения награды), установленные его авторитетом, его властью и верой в законность его господства, и чем больше людей будут стремиться к его наградам, тем лучше, ибо, значит, тем выше его авторитет и основанная на нем социальная солидарность.

Наград добиваются самые сильные и умные, самые храбрые и упорные, самые отважные и трудолюбивые — те, кому первым удастся выполнять условия их достижения, сформулированные учредителем. Это всегда в определенном смысле лучшие. Посредством наград власть имущие отбирает и собирает вокруг себя наилучших (элиты в подлинном смысле слова), обновляя свой человеческий материал, укрепляя свое актуальное могущество, консолидируя сторонников и повышая уровень единения, сплоченности в социуме. Можно сформулировать своего рода меритократический императив наградного дела: награды предназначены не для приближенных к власти избранных, наоборот, они должны давать право войти в круг избранных**. Таким образом, наградное дело государства можно рассматривать как социально-институциональный инструмент формирования лояльных власти элит общества, служащий устойчивому воспроизводству правящего класса.

---

* См.: (Малинкин 2013: 210–231): гл. 4, § 2 «Главная проблема наградного дела: субсумация» и «Главная проблема субсумации: фиксация социально-значимых действий».

** Такова историческая тенденция в реализации основных социальных функций наград. В кастовых, сословных и в современных обществах, где социальная стратификация из-за отсутствия лифтов вертикальной социальной мобильности принимает сословный характер, по понятным причинам все происходит иначе.

Наградные системы как символически генерализованные коды

Выше мы охарактеризовали государственные наградные системы как особый символический язык, на котором власть обращается к народу. «Язык» этот возникает не сразу, а формируется в историческом процессе институционализации наградных отношений. Он получает свою окончательную форму только в современном обществе, где процессы универсализации всякого рода сингулярных и партикулярных человеческих взаимоотношений становятся наблюдаемой частью социальной реальности.

Так, Н. Луман обратил внимание на процесс, который он называет «функциональной дифференциацией символически генерализованных коммуникативных средств». «Благодаря этой дифференциации в обществе могут взаимно усиливаться и потенциалы конфликта, и потенциалы консенсуса», — отмечает он. «...Под коммуникативными средствами должна пониматься некая дополняющая язык инстанция, а именно код генерализованных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции. В дополнение к языку, который в нормальных обстоятельствах обеспечивает интерсубъективную понятность, т.е. распознавание как селекции того, что реализовано в качестве такой селекции кем-то другим, коммуникативные средства обладают, следовательно, еще и функцией мотивации, поскольку они способствуют принятию чужих селективных достижений и в нормальных обстоятельствах делают это принятие желанным. Поэтому коммуникативные средства всегда могут образоваться там, где *способ отбора, осуществляемого одним из партнеров, одновременно служит для другого мотивационной структурой*. Тогда символы этого единства селекции и мотивации берут на себя функцию посредника и проясняют связь обеих сторон, которая, будучи связью предвосхищаемой, может, в свою очередь, усиливать селективность и дополнительно ее мотивировать. <...> Трансляция результатов отбора означает поэтому в строгом смысле слова *воспроизводство* селективных достижений в упрощенных, абстрагированных от исходных констелляций условиях. Для подобного упрощения и абстрагирования требуются символы, которые замещают конкретное начало, исходный контекст цепи селекций. Поэтому коммуникативные средства в целях общей ориентации развивают символически генерализованные коды» (Луман 2001: 18, 19).

По нашему мнению, как раз наличие третьего субъекта наградных отношений в лице социума конституирует награды в качестве одного из «генерализованных символов» или «символически генерализованных кодов» власти. В противном случае (если предположить бинарность соци-

альных наградных отношений) о наградах бы мало кто знал, а если бы и узнал, то не придавал бы им такого значения, какое имеют публично провозглашенные (объявленные) государственные, церковные, общественные, спортивно-игровые и иные награды. Негласно учрежденная, тайно заслуженная и скрыто врученная награда — это нонсенс, нечто подобное круглому квадрату. В таком случае социально-символический смысл награды стремится к нулю, и награда, как уже говорилось, низводится до уровня простого знака — мандата, ярлыка, должностного знака и т.п., либо рассматривается в плоскостной позитивистской парадигме как «стимул» для какой-то однозначной «реакции».

Наконец, если бы «услужные отношения» и впрямь были такими, какими их представил П. Сорокин, то их бинарный характер отменял бы необходимость того, присутствие чего нормальное восприятие каждого гражданина фиксирует в них как самоочевидную данность, а именно — социальную значимость действий (поведения, образа жизни), за которые власть удостоивает награды. Тем самым награда лишалась бы одного из своих фундаментальных сущностных свойств. Если предположить, что власть могла бы напрямую — вне третьего субъекта наградных отношений — заказывать или требовать у членов социума все, чего она пожелает, то награды как социального феномена не существовало бы. Тогда власть могла бы вообще игнорировать социум, не заботиться о собственной легитимности, о благополучии граждан и перспективах развития общества, а те вознаграждения, которые она выдавала бы заслужившим их, имели бы не социальную, но исключительно властно-политическую значимость. Даже простой здравый смысл, не затронутый политологической рефлексией, указывает на абсурдность такого предположения, поскольку оно, радикально-анархически разделяя власть и социум, отрывается от естественных оснований социально-исторического бытия и тем самым обрекает на гибель как власть, так и социум.

Но в том-то и дело, что власть, придавая особую значимость определенным социальным действиям членам гражданского общества (а это является необходимой предпосылкой для учреждения награды), исходит из предположения единства власти и социума, т.е. из нравственно-волевого консенсуса (даже когда это ни в малейшей мере не соответствует действительности), а саму себя представляет — себе и народу — как головной орган социума. Именно поэтому наградные взаимодействия предполагают необходимость таких социальных действий личности, которые обладают не только властно-политической значимостью и не только индивидуально-личностной, но и социальной, т.е. жизненно важны равным образом как для личности действующего и власть имущих, так и для всех

подвластных им членов социума (граждан). Таким образом, сверхбинарность, или троичность, наградных отношений — это их конститутивная сущностная особенность.

Универсализация и глобализация наградных отношений

В процессе эволюции социальных форм человеческого общежития от малых и простых ко все более крупным и сложным (речь идет о переходе от племен к племенным объединениям, от них — к родам, народам, нациям и т.д.) социально-политические условия доступа к наградам постепенно все больше демократизируются, а наградные отношения распространяются на все большее число людей. Они теряют свой узко клановый и племенной характер, становятся сначала по преимуществу сословными, потом по преимуществу социально-классовыми, затем по преимуществу социетальными. Постепенно не только условия доступа к наградам, но и условия их достижения становятся по своему характеру все более либеральными и открытыми. Награды современных государств, хотя они адресованы в первую очередь всем и каждому внутри данного общества (в этом смысле они интерсоциальны), могут заслужить и получить также граждане и других государств (за исключением части наград, адресованных только гражданам данного государства). В этом смысле наградные системы современных государств отчасти интернациональны.

В последние сто пятьдесят лет появляется все больше надгосударственных и надобщественных наград, адресованных людям как «гражданам мира». Эти награды именуют международными. Хотя в практике награждений ими часто просматриваются политически-блоковые и культурно-региональные пристрастия и интересы, по сути своей это награды в лучшем смысле космополитические. Заметный рост количества международных наград обусловлен ускорением темпов глобализации и расширением затрагиваемых ею областей жизни. Примерами первых международных наград могут служить Нобелевская премия (1895/1900), медаль Флоренс Найтингейл (1912). Среди современных международных наград выделяются награды ООН, а также награды многочисленных международных спортивных организаций, объединений, комитетов, периодически устраивающих, например, Олимпийские игры и чемпионаты мира*.

---

* Часто слышимые заклинания, будто «спорт вне политики», — не более, чем фигура политкорректного умолчания, подобная той, когда говорят, что «у преступника нет национальности». В отличие от культуры тела («физической культуры»), спорт, ориентированный на рекордные достижения, всегда был, есть и будет неотъемлемой частью политики и экономики всех государств мира.

Ценностная значимость награды

Исторически первые награды были необходимо связаны со священными реликвиями как наиболее ценным из всего, что существовало в социуме. Известно, что первые европейские наградные ордена и их знаки произошли от религиозных орденовских организаций и их знаков. Они унаследовали от них не только соответствующую символику, но и торжественную церемонию награждения, строго регламентированные правила ритуалов ношения знаков наград, включая кавалерские костюмы, правила обращения с ними в течение жизни и после смерти кавалера. До сих пор награда — это то, что, подобно священной реликвии, передается из рук награждающего в руки награждаемого в торжественной церемонии и принимается для ношения с соблюдением правил ритуала и последующего обращения с ними в соответствии с действующим законом. Награжденные, совершившие поступки, не достойные полученных ими наград, лишаются их в законно установленном порядке.

Сакрализация наградного дела как части государственной политики правящей элиты необходимо связана также с сакрализацией самой политической власти и ее высшими представителями — императорами, королями, царями. Так, в Древней Греции и Древнем Риме существовал *apotheosis* — обожествление императора и членов его семьи. Помазание при избрании царей в Ветхом Завете послужило прообразом помазания христианских государей при восшествии на престол. Византийских императоров, впоследствии и русских царей, и других европейских христианских монархов помазывали на царство святым миром. Это было не отдельное таинство, а скорее продолжение обычного таинства миропомазания, когда для управления государством человеку подаются особые дары Духа Святого. Ярким примером сакрализации политической власти является синтоизм, а образцом сакрализации наградного дела — созданная на основе синто наградная система императорской Японии, существовавшая до октября 1945 г. (Розанов 2008: 84–87, 94–103, 119–117).

В историческом прошлом у всех народов реальным знаком награды могло быть абсолютно все, что имело не только сакральную, но и просто большую материальную или иную ценность, например повышало место награждаемого в общественной иерархии или служило публичным свидетельством внимания и уважения к нему со стороны верховного правителя. Знаки наград — это, например, рабы и рабыни; захваченный в войне вражеский город, отданный войску на разграбление в течение определенного времени; шуба с княжеского плеча; кубки, чаши, золотые и серебряные монеты; княжеский посланник, который собирал народ

и во всеуслышание объявлял, что князь интересуется, как поживает имярек, и желает ему здравствовать; портреты царя, царские аренды, повышение в чине (должности), драгоценности, именные часы и т.д. По мере институционализации наградного дела, помимо всех прочих упомянутых и не упомянутых здесь знаков наград, в Западной Европе в Новое время вошли в обиход специализированные наградные знаки (фалеронимы). Они изготавливались сначала по преимуществу из драгоценных металлов и часто украшались драгоценными камнями — медали, ордена, звезды, кресты. Единственной функцией этих особых вещей было служить знаком награды, т.е. указывать на то, что имярек стал объектом позитивного (поощрительного) властного акта государя-императора или позднее, в демократических республиках, государства.

Таким образом, с аксиологической точки зрения, награда — *это то, ценностная значимость чего в одинаковой мере признается награждающим и награждаемым, равно как и определенной частью социума (как правило, большей его частью)*. Ценностную значимость наград, о которой идет речь, следует отличать от рыночной стоимости знаков наград в их конкретном предметном воплощении, а также от финансово-экономической оценки сопутствующих наградам материальных льгот и всякого рода общественных привилегий. Ценностная значимость награды имеет чисто фидуциарный характер, т.е. базируется на консенсусе социума в отношении того, что те или иные предметы или материалы (например, металлы, камни) являются «ценными», что всегда имеет какую-либо мифическую подоплеку. Так, если в каком-то социуме считают «ценными» раковины каури, то они могут служить и наградами, и дорогими подарками, и деньгами. С точки зрения здравого смысла, рыночная стоимость знаков награды (прежде всего фалеронимов), сопряженных с ней льгот и привилегий должны соответствовать уровню престижности награды, быть ему в некотором смысле пропорциональными. Однако наградная практика современных государств, общественных и международных организаций свидетельствует о том, что такое соответствие и пропорциональность встречаются далеко не всегда. Примерами могут служить, например, медали ООН, МОК, государственные награды многих государств, в частности социалистической Кубы (Малинкин 2018). Можно констатировать общемировую тенденцию к признанию такого несоответствия нормальным.

Консенсус социума в отношении ценностной значимости награды является необходимым условием для признания общезначимыми духовно-нравственных ценностей, заключенных в награде — в символической форме и декларируемых в их статутах и положениях, — ценностей,

составляющих фундамент господствующей в обществе политической идеологии. Эти ценности обуславливают выбор и характер социально-этических добродетелей, а они, в свою очередь, определяют селективные критерии, на основании которых представители правящей власти распознают значимые для государства и общества социальные действия и отделяют их от ординарных, рутинных*. Напрашивается вывод: каковы фундаментальные ценности и ценностные приоритеты в данном государстве, таковы и реальные социальные действия граждан, квалифицируемые как воинские подвиги и гражданские заслуги.

Однако историческая действительность и реальная политика вносят свои коррективы в этот чисто рационально-логический и потому немного прямолинейный вывод. С одной стороны, заключенные в наградах ценности всегда представляют собой результат компромисса между ценностями господствующей в государстве политической идеологии и ценностями гражданского общества, унаследованными по традиции из его культурно-исторического прошлого. Такой компромисс часто скрывает внутренние противоречия между ценностями и ценностными приоритетами, который находит символическое выражение в структуре наградных систем, в отдельных наградах и их знаках. Например, анализ автором ценностно-идеологических оснований официальной классификации государственных наград СССР выявил в ней ряд очевидных смысловых несообразностей и логических неувязок, которые было бы нелепо объяснять плохим знанием логики или догматической косностью мышления законодателей. Это как раз следствие указанного выше идеологического компромисса. Другим примером такой «иррациональности» может служить наградная система РФ. Наряду с наградами, которые названы в честь православных святых, имеют форму креста, содержат в своих эмблемах христианскую символику, в нее входят две высшие награды (звания Герой Российской Федерации и Герой Труда Российской Федерации), знаки ко-

---

* Разумеется, эти селективные критерии не имеют прямого отношения к индивидуально-личностной морали в ее общечеловеческом понимании, поскольку нормы действующей социальной этики, если и не являются конструктами господствующей политической идеологии, то всегда находятся под ее сильным влиянием. Государственная награда, будучи властно-политическим эпифеноменом, находится, как и политика, «по ту сторону добра и зла», т.е. вне сферы значимости индивидуально-личностной морали. В этом смысле она в сущности аморальна. Но в той мере, в какой политическая власть становится не самоцелью, а только средством, т.е. служит созданию благоприятных условий для осуществления высших стремлений человеческого духа и реализации его высших ценностей, награды этой власти также обретают высший моральный смысл. См.: (Шелер 2020а).

торых имеют форму пятиконечной звезды, стоящей на двух лучах, а это, как известно, масонский и большевистский богоборческий символ.

Текущие актуальные интересы государства, реализуемые в его внутренней и внешней политике, не всегда совпадают с относительно константными ценностно-ориентированными национальными интересами, например геополитическими. Помимо этого, в реальной политике, как в шахматной игре, иногда приходится жертвовать фигурой, чтобы выиграть ферзя, или жертвовать ферзя, чтобы добиться победы. Вот почему реальные социальные действия граждан, квалифицируемые как воинские подвиги и гражданские заслуги в один исторический момент, в другой исторический момент могут квалифицироваться как преступные деяния (предательство, измена родине), и наоборот. Такие реально-исторические и реально-политические повороты вызывают к жизни политику героизации и дегероизации личностей, групп и связанных с ними исторических событий. В наше время, когда против России развязана информационная, психологическая и идеологическая войны, средствами которых становятся не только актуально-политические *fake news*, но и ценностно-значимые фальсификации истории, требуется продуманная политика в области исторической памяти российского народа, направленная на укрепление межпоколенческой солидарности. Исследования автора по социологии наградного дела как раз и служат обоснованию такой политики (Малинкин 2018).

Наградные отношения в свете теории символического обмена

Поскольку награждающий и награждаемый одинаково признают социальную значимость того дела, за которое присуждается награда, и ценностную значимость самой награды, постольку награждение как специфический способ социального взаимодействия оказывается чем-то похожим на символический обмен по древнеримскому принципу «*do ut des*» («даю, чтобы и ты мне дал»), причем и в его первоначальном религиозном смысле, и в позднем смысле в контексте римского права. Но можно ли рассматривать награду как форму символического обмена? Наш ответ: нет.

Во-первых, символический обмен — двусторонний акт. Несмотря на то что общественный контекст актов символического обмена имеет значение как для тех, кто их совершает, так и для сторонних интерпретаторов, необходимость «третьего субъекта» (публичности, гласности в смысле, указанном выше) не относится к сущности акта символического обмена, как это имеет место в наградном отношении.

Во-вторых, символический обмен — принципиально однократный акт, хотя он допускает однообразную регулярность своего воспроизведе-

ния, которая создает серийность в последовательности реального времени. Наградное отношение, наоборот, программируется как принципиально неоднократное и в то же время исключает однообразную регулярность своего воспроизведения, создающую серийность в последовательности реального времени.

В-третьих, символический обмен по древнеримскому принципу «do ut des», в его первоначальном религиозном смысле, — это отношение между человеком и богом, вектор которого первично направлен снизу в верх. Это не что иное, как подношение с целью задабривания высшего могущественного существа, расположения его к себе — подношение, которое, по идее (точнее говоря, по вере), должно с лихвой окупиться. Символический обмен по древнеримскому принципу «do ut des», понимаемый в контексте римского права, — это отношение по идее (точнее говоря, по праву) равных, которое вообще не имеет вертикального вектора.

Принятие награды означает выражение преданности общему делу, готовности его продолжать, и одновременно выражение послушания, повинения, верности или лояльности власти имущим, т.е. фактическое признание за ними высшей социально-иерархической инстанции и способности адекватно представлять общее дело, которому готов служить награждаемый. Здесь проявляется сущность награды, в принципе не совместимая с идеей символического обмена: это опредмеченное властно-политическое социально-иерархическое отношение, вектор которого постоянно направлен сверху вниз.

Сравнивая обмен, правда, не символический, а реальный, экономический, Ф. Тённис отмечает эту специфическую особенность награды, связанную с ее властным происхождением. При этом он справедливо сомневается в том, что интерпретация вознаграждения как формы обмена адекватна. «Где речь действительно идет о назначенных призах, там покупателями и продавцами, пожалуй, можно считать тех, кто силится завладеть ими, но никоим образом не того, кто их выплачивает. Его обещание, как правило, не есть обещание контрагента: если условия окажутся выполненными, то он лишь в моральном смысле будет должен не отказать в обещанном. Но он сам, как господин, вершит суд над их действиями (и именно поэтому может также “пренебречь” ролью члена жюри); и то, что он дает, оказывается соразмерным благу, тогда как обмен по сути своей является двойным и одновременным актом, не ведающим ни “до”, ни “после”, ни “верха”, ни “низа” (т.е., безразличным к рангам, поскольку представление о них всегда пространственно, подобно тому, как и по природе родитель обычно бывает выше и крупнее своего ребен-

ка, а мужчина — женщины). Ни “до”, ни “после”, потому что если ответное действие должно последовать через некоторое время, то в действительности происходит выменивание (принятого на веру) обещания на вещь» (Тённис 2002: 287).

Таким образом, концепция символического обмена оказывается неадекватной для теоретически-социологического отображения наградных социальных взаимодействий по тем же самым причинам, что и концепция обмена вообще: обмен по сути своей является актом *однократным, двусторонним и горизонтальным* («не ведающим... ни “верха”, ни “низа”»). Между тем наградное отношение принципиально *многократно*, является, как установлено выше, *трехсторонним и первично направлено сверху вниз*.

Награда и легитимность властного господства

Легитимность господства власти — необходимое условие наградных отношений, поскольку создает нравственно-волевой консенсус в социуме между награждающим, награждаемым и наблюдателями. Социальный институт наградного дела действует эффективно только благодаря легитимности господства власти. Невозможно заставить людей стремиться к наградам, добиваться и заслуживать их в приказном или принудительном порядке. Об этом совершенно верно писал П. Сорокин, указывая в качестве одного из трех условий наградных отношений добровольность. Но нет ли в наших дефинициях награды и наградного дела внутреннего противоречия, ведь господство предполагает не добровольность, а принудительность, подчинение же господству необходимо связано именно с послушанием в приказном порядке?

Исследуя сущность властных отношений, М. Вебер определял власть и господство следующим образом: «Господством», согласно определению (гл. 1, § 16), следует называть возможность обеспечить повиновение какой-либо группы людей особенным (или всем) приказам. Таким образом, [господство] это не любого рода возможность применять “власть” и оказывать “влияние” на других людей. Господство (“авторитет”) в этом смысле может основываться в каждом отдельном случае на самых различных мотивах послушания, начиная с тупой привычки и кончая чисто целерациональными соображениями. Каждое подлинное отношение господства характеризуется *желанием* определенного минимума послушания, то есть *заинтересованностью* (внешней или внутренней) в послушании» (Weber 1985: 122)*.

---

* Все цитированные фрагменты из книги М. Вебера «Хозяйство и общество» даны в нашем переводе.

В главе 1, § 16, на которые ссылается М. Вебер, находим такие определения: «*Власть* означает любую возможность настоять внутри какого-либо социального отношения на собственной воле, также вопреки противоположному стремлению, на чём бы такая возможность ни основывалась. *Господством* следует называть возможность добиться послушания каких-либо лиц приказу определенного содержания; *дисциплиной* следует называть возможность добиться благодаря натренированной установке быстрого, автоматического и схематического послушания какому-либо приказу определенного множества людей. Понятие “власть”, — продолжает М. Вебер, — социологически аморфно. Все мыслимые качества человека и все мыслимые констелляции могут дать кому-то возможность в определенной ситуации настоять на собственной воле. Поэтому социологическое понятие “господство” должно быть более точным и может означать только возможность обеспечить послушание *приказу*» (Weber 1985: 28–29).

Способен ли социальный институт наградного дела, возникающий и функционирующий, как сказано выше, только благодаря легитимности господства власти, обеспечить добровольность мотивации людей? Да. И в нашем определении наградного дела нет никакого внутреннего противоречия. Сомнения могут появиться только из-за внешней схожести ряда понятий. Было бы опрометчиво смешивать понятие «господство» с понятием «легитимность», соответственно господство власти с легитимностью ее господства. Как раз на легитимности господства власти и зиждется социальный институт наградного дела. Чтобы провести четкое различие между указанными понятиями, обратимся снова к классическому социологии политики.

«Но ни нравы или положение интересов, ни чисто аффективные или чисто ценностно-рациональные мотивы единения не могут представлять надежных оснований для господства, — пишет М. Вебер. — К ним обычно добавляется еще один момент: вера в легитимность (*Legitimitätsglaube*). Господство, как учит опыт, никогда добровольно не ограничивается только материальными, или только аффективными, или только ценностно-рациональными мотивами как возможностями своего дальнейшего существования. Всякое господство пытается скорее пробудить и поддерживать веру в свою “легитимность”. Но в зависимости от вида легитимности, на которую претендует господство, различаются и тип послушания, и тип штаба управления, предназначенного обеспечивать господство, и характер его осуществления, а тем самым и его эффективность. Следовательно, виды господства целесообразно различать по типичной для них претензии на легитимность» (Weber 1985: 122).

М. Вебер показывает здесь принципиальное отличие юридических понятий от социологических. Под легитимностью как понятием социологическим он имеет в виду не правовую законность (легальность) власти и ее господства, а веру в них, т.е., проще говоря, доверие людей к действующей власти. Нравственные представления, материальные интересы, эмоциональные переживания, чисто рациональное принятие ценности — всё это, конечно, важно для сохранения власти, но несопоставимо по своей надежности с иррациональным или нерациональным восприятием ценности самой господствующей власти, с верой в нее, с верностью ей. Только последние могут создать уверенность и убежденность в мудрости и непогрешимости власти, в незыблемости установленных ею порядков, в способности гарантировать лучшее будущее и т.п.

Социальный институт наградного дела обязан власти, прежде всего политической, своим возникновением, существованием и функционированием, потому что всякая власть (о какой бы власти ни шла речь, будь то власть вождя племени, колдуна, школьного директора, спорткомитета, мэрии или государства) всегда нуждается в укреплении легитимности своего господства, или, проще говоря, в повышении своего авторитета. Когда М. Вебер пишет о «*легитимном* господстве», речь идет прежде всего об авторитете власти, которая заслуживает (или не заслуживает) доверия благодаря тем или иным мотивам веры (или неверия) в нее, но отнюдь не о законности господства или беспрекословности подчинения приказу. Вот почему легитимность господства какой-либо власти в принципе не исключает ни нелегальности этой власти как таковой, ни тем более нелегальности установленного ею господства.

Вслед за М. Вебером мы различаем три «чистых типа» легитимного господства, в силу которого функционирует социальный институт наградного дела, основанный на обычном либо государственном праве: *харизматическое, традиционное и рациональное*.

«Первичное формообразование их легитимности может быть:

- 1) *рационального* характера и основываться на вере призванных осуществлять господство в законность установленных порядков и права им распоряжаться (легальное господство) или
- 2) *традиционного* характера и основываться на обыденной вере в святость действующих с давних времен традиций и на вере в легитимность авторитета призванных в силу этих традиций (традиционное господство), или, наконец,
- 3) *харизматического* характера и основываться на выходящих за рамки обыденности проявлениях святости, или геройской силы, или образцовости какой-либо личности и на порядках, учрежденных ею или

посредством ее откровений (харизматическое господство)» (Weber 1985: 124).

Разумеется, «чистые», или «идеальные», типы, как указывал М. Вебер, будучи теоретическими социологическими конструктами, не существуют в действительности — в реальной жизни встречаются лишь явления, которые благодаря этим конструктам мы можем идентифицировать как *смешанные* феноменальные формы. Причем они одинаково важны как для понимания мотивов людей в их отношении к власти, так и для понимания восприятия ее наград, мотивов стремления к ним, борьбы за них либо их неприятия, пренебрежения ими. И те и другие вследствие своей сущностной близости всегда носят «смешанный», иногда противоречивый характер.

Итак, социальный институт наградного дела происходит из власти и господства, служит актуальным интересам правящих властей, их идеологическим и политическим целям, выражает их целерациональные и ценностно-рациональные установки, однако не может служить им в принудительном или приказном порядке. Укрепляя легитимность господства власти, или ее авторитет, институт наградного дела выступает в роли особо рафинированного инструмента власти: а именно применяется для «тонкой настройки» социума в свою пользу. «Тонкость» этого инструмента состоит как раз в необязательности, добровольности выбора по отношению к наградам: принимать их условия или не принимать, стремиться к ним или нет — это личное дело каждого. Но этот момент — отсутствие приказа, принуждения, долга, обязательности — как раз и таит в себе ненавязчивый соблазн, позволяющий направлять в нужное русло умонастроения отдельных людей, групп, страт, классов, а также настроение всего общества.

Демонстрируя таланты и способности, ум и силу, отвагу и героизм, трудолюбие и упорство и получая за них не только справедливое вознаграждение, но и награды, люди проникаются доверием к власти и передают его своим личным примером окружающим. Принимая награду, люди берут на себя также и ответственность перед властью, поскольку вступают с ней в правовые отношения, в определенной мере обязывающие их и регламентирующие их поведение.

Литература

Аверинцев С.С. (2001) *Символ. София — Логос. Словарь*. Киев: Дух і Літера: 155–161.

Кассирер Э. (2015) *Философия символических форм*. Т. 1. Язык. Т. 2. Мифологическое мышление. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Луман Н. (2001) *Власть*. М.: Праксис.

- Луман Н. (2005) *Реальность массмедиа*. М.: Праксис.
- Малинкин А.Н. (2013) *Награда как социальный феномен. Введение в социологию наградного дела*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Малинкин А.Н. (2018). *Культ героической личности в наградах социалистической Кубы. Исследование по социологии наградного дела*. 2-е изд. М.: Русская школа.
- Малинкин А.Н. (2019) *Концепция феноменологии Макса Шелера. Шелер vs Гуссерль*. М.: Русская школа.
- Розанов О.Н. (2008) *Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии*. М.: Памятники исторической мысли.
- Сорокин П. (1999) *Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали*. СПб.: РХГИ.
- Тённый Ф. (2002) *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*. СПб.: Владимир Даль.
- Шёк Г. (2010) *Зависть. Теория социального поведения*. М.: ИРИСЭН.
- Шелер М. (2011) *Проблемы социологии знания*. М.: Институт общегуманитарных исследований.
- Шелер М. (2020а) *Мысли о политике и морали*. М.: МСЛ.
- Шелер М. (2020b) *О сущности философии*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Bentham J. (1825) The Rationale of Reward. *Classical Utilitarianism Web Site* [<http://www.laits.utexas.edu/poltheory/bentham/rr/>] (дата обращения: 05.08.2020).
- Weber M. (1985) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).

THE SOCIAL ESSENCE OF THE AWARD: A STUDY ON THE SOCIOLOGY OF POWER

Alexander Malinkin (lo_zio@bk.ru)

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia

Citation: Malinkin A. (2020) Sotsial'naya priroda nagrody: issledovaniye po sotsiologii vlasti [The social essence of the award: a study on the sociology of power]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(3): 188–219 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.8>

Abstract. The author focuses on the essence of the award (first of all, state award). The award is understood as a social relation. A distinction is made between a phenomenally

given award sign and an award as a positive (incentive) sanction of the authority. The award is considered as a multidimensional symbol. It symbolizes first of all the feats, merits, services, for which it is awarded; social success of the person awarded and social status achieved by him; authority and the legitimacy of the officials. Respectively, the award has three basic forms of the symbolic significance: social-ethical, individual-personal, overbearing-political. The core of the awards essence is a social-hierarchical overbearing-political attitude whose vector is primary always directed from top to bottom. The ideal typical structure of award relations is ternary: the award is a special form of the sustained social interaction between three social actors: (1) the founder of the award and the awarding actor, (2) the actor who receives the conditions for achieving award and deserves it, (3) the society as an observer of the relationship between the first two actors and as a potential participant in the struggle for the awards. The state award systems represent the non-verbal means of communication of authorities and people with the reciprocal contingent selectivity, overbuilt on the natural usual languages. The society's consensus on the value significance of the award is a necessary condition for recognizing the spiritual and moral values contained in the award, which form the foundation of the political ideology prevailing in society, as generally valid. These values determine the choice and character of the social ethical virtues, and they in turn define selective criteria based on which representatives of the ruling authority recognize the actions relevant for the state and society and separate them from the ordinary actions. It also explains why the essence of the award cannot be understood in the light of the doctrine of symbolic exchange. The legitimacy of power domination is a prerequisite for award relations because it creates a moral-willed consensus between their three actors. The social institution of the award affairs operates effectively only due to the legitimacy of power dominance, however, the principle of voluntariness in regard to the conditions for the attaining awards is thereby not violated.

Keywords: Award, award relations, social institution of the award affairs, symbol, significance, values, social hierarchical overbearing-political attitude, legitimacy of power dominance.

References

- Averintsev S.S. (2001) Simvol [Symbol]. In: *Sofiya — Logos. Slovar'* [Sofia — Logos. Dictionary]. Kiyev: Dukh i Litera: 155–161 (in Russian).
- Bentham J. (1825) The Rationale of Reward. *Classical Utilitarianism Web Site* [<http://www.laits.utexas.edu/poltheory/bentham/rr/>] (accessed: 05.08.2020).
- Cassirer E. (2015) *Filosofiya simvolicheskikh form*. Vol. 1–3. Per. s nem., 2-e izd. [The Philosophy of Symbolic Forms]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).
- Luhmann N. (2001) *Vlast'* [Power]. Moscow: Praksis (in Russian).
- Luhmann N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of Mass Media]. Moscow: Praksis (in Russian).
- Malinkin A.N. (2013) *Nagrada kak sotsialnyy fenomen. Vvedeniye v sotsiologiyu nagradnogo dela* [Award as a Social Phenomenon. The Introduction to a Sociology of Award Affairs]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Malinkin A.N. (2018). *Kult geroicheskoy lichnosti v nagradakh sotsialisticheskoy Kuby. Issledovaniye po sotsiologii nagradnogo dela*. [The Cult of the Heroic Personality in the Awards of Socialist Cuba. Research on the Sociology of Award Affairs]. 2nd ed. Moscow: Russkaja shkola (In Russian).

Malinkin A.N. (2019) *Konceptsiya fenomenologii Maksa Schelera. Scheler vs Husserl* [The Concept of the Phenomenology by Max Scheler. Scheler vs Husserl] Moscow: Russkaja shkola (In Russian).

Rozanov O.N. (2008) *Nagradnyye sistemy v politike i ideologii stran Severo-Vostochnoy Azii* [The Award Systems in Politics and Ideology of the Northeast Asian Countries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli (in Russian).

Scheler M. (2011) *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of the Sociology of Knowledge]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. (In Russian).

Scheler M. (2020a) *Mysli o politike i morali* [Thoughts on politics and morality]. Moscow: MSL (in Russian).

Scheler M. (2020b) *O sushchnosti filosofii* [About the essence of philosophy]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Schoeck H. (2010) *Zavist. Teoriya sotsialnogo povedeniya* [Envy. A Theory of Social Behavior]. Moscow: IRISEN (in Russian).

Sorokin P. (1999) *Prestupleniye i kara, podvig i nagrada. Sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and Punishment, Feat and Award. A Sociological Study on the Main Forms of Social Behavior and Morality]. St. Petersburg: RChGI (in Russian).

Toennies F. (2002) *Obshchnost i obshchestvo. Osnovnyye ponyatiya chistoy sotsiologii*. [Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology]. St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).

Weber M. (1985) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie* [Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology]. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).